

РОССИЯ – ЗАПАД: ПЕРМАНЕНТНАЯ КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА?

Татьяна Пархалина,

заместитель директора ИНИОН РАН,

Президент Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества

Аннотация. В статье анализируются причины нынешнего кризиса между Россией и Западом, отношения России с евроатлантическими институтами, такими как НАТО, Евросоюз, ОБСЕ. Выявляются попытки интеграции России не институционально, но де-факто в существовавшую после распада СССР систему европейской безопасности и реакция западных институтов и отдельных стран на политику РФ.

Анализируются нынешнее состояние отношений между Москвой и Брюсселем (НАТО, ЕС), нежелание обеих сторон переходить к стадии реальной конфронтации и стремление оставаться в парадигме сдержанности, несмотря на определенные элементы холодной войны.

Даются рекомендации относительно путей выхода из нынешнего кризиса.

Ключевые слова: европейская безопасность; НАТО; ЕС; ОБСЕ; кризис; конфронтация; отношения Россия – Запад; урегулирование.

Keywords: European security; NATO; the EU; OSCE; crisis; confrontation; relations Russia – the West; regulation.

В последние месяцы в российском политическом дискурсе обострились споры о том, нужно ли выходить из кризиса в отношениях с Западом или следует существовать в парадигме постоянной конфронтации, ибо именно такое состояние позволяет сохранить суверенитет и отстоять национальные интересы России на мировой арене. Частично это связано с развеявшимися надеждами на определенные договоренности с Д. Трампом, которые он посеял в умах ряда представителей российского политического класса и экспертного сообщества в ходе своей предвыборной кампании и сразу после. Частично с тем, что Европа, как часть коллективного Запада, в общем и целом – несмотря на существующие разногласия – солидарно голосует за продление санкций в отношении России. А в значительной степени с тем, что обе стороны – и Россия, и Запад – не готовы признать свои ошибки в развитии кризисных явлений в отношениях с конца 90-х – начала 2000-х годов.

Вместе с тем не будем забывать, что после развала Советского Союза и Варшавского блока Россия устами своих трех президентов – Б. Ельцина, В. Путина, Дм. Медведева – провозгласила себя

европейской державой и заявила о своем стремлении войти в семью демократических стран Евро-Атлантики, т.е., иными словами, интегрироваться в коллективный Запад. Однако как элиты, так и население испытали шок и даже обиду, когда представители Запада объяснили им, что для этого необходимо выполнить определенное «домашнее задание», а именно: пойти по пути демократических реформ – построить систему эффективно работающих институтов, чтобы заработал принцип разделения властей; осуществить демократическую реформу вооруженных сил и спецслужб; создать реальное гражданское общество и сформировать действующую обратную связь между обществом и государством; создать независимый суд и в целом реализовать принцип верховенства закона. Многие в России полагали, что поскольку сама страна сокрушила коммунизм, не послала танки в Восточную Европу, когда там начались «бархатные» революции, и способствовала воссоединению Германии, она заслуживает принятия в «клуб развитых демократий» без предварительных условий.

В Евро-Атлантике же полагали, что «игра сыграна», противник повержен, и рано или поздно Россия (а ведь *она сама об этом говорила*) станет членом коллективного Запада на его (Запада) условиях. При этом не учитывались такие факторы, как иной тип стратегической и политической культуры, сформировавшиеся под влиянием определенного исторического прошлого, устойчивость стереотипов эпохи советской империи, фактор стратегической независимости России (существенный ядерный потенциал), наконец, синдром потери империи, который у всех без исключения бывших империй проходил очень болезненно.

С середины 90-х годов под влиянием прежде всего внутривнутриполитического, но и внешнего развития, в стране стали поднимать голову национал-консервативные силы, которые впоследствии стали оказывать корректирующее воздействие на формирование внешнеполитического курса. Такие события на внешней сцене, как военно-воздушная операция НАТО против режима Милошевича, Иракский кризис, отделение и признание Косова, а далее Ливия, Сирия, Украина способствовали тому,

что Россия взяла на себя роль «противовеса» западному миру в процессе построения мира многополярного.

Водоразделом можно считать 2005–2006 гг., когда изменилась мировая экономическая конъюнктура, и галопирующий рост цен на нефть и газ создал у российского правящего класса иллюзию, что Россия нарастила экономическую мощь, достаточную для корректировки своей политической роли на мировой арене. Именно с этого момента во всех концептуальных документах, касающихся российской внешней политики, можно найти разделы, указывающие на то, что Россия более не намерена играть по «правилам», разработанным другими мировыми игроками, а будет стремиться к участию – на равных – в разработке мировой повестки дня. Демонстративным моментом при оформлении этой тенденции явилась Мюнхенская речь президента В. Путина 2007 г.

2008 год был очень сложным для отношений России и Европы, России и Запада в целом. Это – год Бухарестского саммита Россия – НАТО, когда в ответ на формулу, согласно которой «рано или поздно Украина и Грузия станут членами Альянса», Россия (устаами министра иностранных дел) заявила¹, что использует все средства, чтобы не допустить участия этих двух стран в так называемом Плане действий по членству (ПДЧ) в НАТО. Кавказская война августа 2008 г. очень ясно показала, что Россия «не шутит» и готова использовать свои вооруженные силы для отстаивания собственных интересов на постсоветском пространстве.

Кавказский конфликт привел к серьезному кризису в отношениях России и Запада, к замораживанию отношений по линии РФ – НАТО, к тяжелым переговорам по линии РФ – Евросоюз. Однако он был достаточно быстро преодолен в связи с тем, что буквально через три-четыре недели после событий на Кавказе начал бушевать (сначала в США, а затем в Европе и России) глобальный финансово-экономический кризис, который вынудил обе стороны прийти к осознанию того, что они находятся «в одной лодке» и не могут себе позволить ее раскачивать.

При президенте Дм. Медведеве Россия приняла последнюю попытку интегрироваться в коллективный Запад через так называемую «перегрузку» отношений с НАТО (Лиссабонский саммит РФ – НАТО 2010 г.) и формирование совместной системы ПРО. Однако эта попытка была заблокирована странами Восточной Европы (страны Балтии и Польша) и затем сошла на нет в связи с «арабской весной», событиями в Ливии и убийством М. Каддафи.

В настоящее время Россия находится в состоянии самого острого кризиса в отношениях с Евро-Атлантикой со времен не просто окончания холодной войны, но и Берлинского кризиса 1961 г., когда

еще не существовало общепринятых правил игры, и когда наблюдалась многовариантность выходов с неизвестным исходом.

Триггером послужили события в и вокруг Украины 2013–2014 гг., когда Украина и ЕС обсуждали подписание соглашения об ассоциации этой страны с Евросоюзом, результатом чего явился сначала мирный, а затем вооруженный Майдан, российская операция по присоединению Крыма и развитие событий на юго-востоке Украины. Россия и Запад по-разному оценивают причины сегодняшнего кризиса: Россия считает, что Запад перешел Рубикон, когда поддержал вооруженное свержение законного режима Януковича после того, как представители трех стран Евросоюза дали ему гарантии безопасности; Запад считает, что Россия перешла Рубикон, когда нарушила Будапештский меморандум 1994 г., являясь одним из трех гарантов территориальной целостности Украины в обмен на отказ последней от ядерного оружия, а затем вмешалась в развитие событий на юго-востоке этой страны.

Различная трактовка причин кризиса приводит к тому, что ни одна из сторон не готова «ступить на принципы» и начать серьезный разговор об основах новой разрядки. На наших глазах происходит дальнейшая эскалация. В рамках острейшей информационной войны обе стороны используют любые средства, дабы подорвать репутацию друг друга, и как бы исключают возможности для будущих договоренностей.

Вместе с тем по линии взаимодействия с институтами – НАТО, ЕС, ОБСЕ, Совет Европы – на протяжении ряда кризисных лет наблюдалась определенная сдержанность.

Россия – НАТО. 1 апреля 2014 г. в ответ на действия России в Крыму НАТО приостановила все виды практического сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО, аргументируя свою позицию тем, что «бизнес как прежде невозможен». Вместе с тем, работа самого Совета не была заморожена; за период с 2014 по 2018 г. он собирался несколько раз на уровне послов. Следует отметить, однако, что послы обменивались взаимными обвинениями, и результаты заседаний были практически нулевыми. Решения Уэльского саммита Альянса (сентябрь 2014 г.) свидетельствовали о том, что НАТО от отражения новых угроз вернулась к истокам – к обеспечению коллективной обороны. В декларации по итогам саммита отмечалось, что план действий по готовности НАТО (NATO Readiness Action Plan) отвечал «на изменения среды безопасности на границах Альянса» и на «вызовы, порожденные Россией и их стратегические последствия»². План предполагал постоянное присутствие триады вооруженных сил и существенную военную активность НАТО в восточной зоне на потенциальной основе.

Варшавский саммит Альянса 2016 г. продемонстрировал готовность трансатлантических союзни-

¹ <https://m.vz.ru>

² Wales Summit Declaration.

ков пойти на символическое укрепление (в виде четырех батальонов по 1 тыс. человек каждый) оборонных структур на восточном направлении, но *неготовность пожертвовать Основополагающим Актом Россия – НАТО 1997 г.*, на чем настаивал ряд стран Центральной и Восточной Европы (речь шла о том положении ОА, где говорилось об отказе НАТО от постоянного размещения существенных боевых сил в новых районах базирования)¹.

В начале 2018 г. генсек Альянса Столтенберг даже сделал заявление, согласно которому он призвал союзников учитывать тот факт, что они имеют дело с «более самоуверенной Россией». «Мы не хотели бы повторения холодной войны и гонки вооружений, мы выступаем за политический диалог с Москвой»². В начале 2018 г. начальник Генерального штаба МО РФ Г. Герасимов посетил штаб-квартиру НАТО и вел переговоры с официальными военными представителями Альянса, в ходе которых затрагивались такие вопросы, как ситуация в Украине, в Афганистане, транспарентность военной деятельности и снижение рисков военных столкновений (здесь следует отметить, что только в 2016 г. в регионе Балтийского моря произошло более 60 военных инцидентов в воздушном пространстве между самолетами РФ и стран НАТО).

Россия и НАТО проявляют так называемую стратегическую сдержанность: Россия – когда не размещает дополнительные военные контингенты в Псковской и Калининградской областях (кроме систем ПВО), НАТО – когда не хочет выходить из ОА РФ – НАТО и размещать существенные вооруженные силы на восточном фланге.

Безусловно, в краткосрочной и среднесрочной перспективе России и НАТО вряд ли удастся вернуться к тому уровню сотрудничества, который существовал в 2000-е годы, когда в рамках СРН было создано 25 рабочих групп, включая совместное миротворчество и создание ПРО европейского ТВД.

Особенно в условиях, когда российский МИД в середине апреля 2019 г. объявил о решении о полном разрыве отношений между Россией и НАТО по военной и гражданской линиям. За этим решением, вероятно, стояло осознание тупиковости сохранения видимости отношений, понимание того, что на самом деле несмотря на определенную риторику со стороны представителей Альянса, реальных намерений и подготовки к военному конфликту НАТО не ведет, надежды на то, что реалистичнее договариваться с США, а не со значительным количеством их европейских союзников, ряд из которых настроены категорически антироссийски.

Представляется, что как решение НАТО от 1 апреля 2014 г., так и решение России от апреля 2019 г. не являются оптимальными. Во-первых, потому, что именно в периоды кризисов надо оста-

ваться за столом переговоров, а не захлопывать двери. Во-вторых, потому, что отсутствие каналов оперативного взаимодействия между военными может привести к инцидентам как в воздушном, так и морском пространстве в районе Балтии, где самолеты и корабли стран НАТО и РФ встречаются достаточно часто. В этом контексте хочется надеяться на то, что сохраняются хотя бы неформальные контакты между военными.

Ни у России, ни у НАТО нет намерений эскалации кризиса и трансформации его в реальную военную конфронтацию, несмотря на достаточно жесткую пропагандистскую риторику с обеих сторон в рамках ведущейся информационной войны.

Геополитическая неопределенность, характеризующая нынешний этап мирового развития и отношения по линии Россия – Запад, является не самым лучшим фоном для возможности какого-либо позитивного развития на треке Россия – НАТО. Вместе с тем не следует забывать, что Альянс не переводит в практическую плоскость вопрос об интеграции Грузии и Украины, что означало бы готовность к военной конфронтации с Россией. Россия, понимая, что военный бюджет Альянса в 20 с лишним раз превосходит военные расходы РФ, также не имеет намерений развивать конфликтный потенциал отношений.

Подобные намерения дают возможность предположить, что интересы в сфере безопасности (например, Афганистан) приведут обе стороны к такому уровню сотрудничества, который исключал бы взаимное сдерживание и восприятие друг друга в качестве противников.

Россия – ЕС. После событий в Крыму и начала боевых действий на юго-востоке Украины Евросоюз (по инициативе Германии и Великобритании) прекратил проведение совместных мероприятий и ввел санкции против РФ. Была приостановлена работа всех совместных органов и мероприятий, которые до этого составили каркас провозглашенного во второй половине 2000-х годов стратегического партнерства.

В своей Глобальной стратегии по внешней политике и политике безопасности ЕС провозгласил следующее: «Нарушение Россией международного права и дестабилизация ситуации в Украине наряду с затяжными конфликтами в регионе Черного моря стали вызовом для основ европейской системы безопасности. Мы будем едины в защите международного права, демократических прав человека, сотрудничества и права каждого государства свободно определять свое будущее...»

Мы не признаем незаконную аннексию Крыма Россией и не смирились с дестабилизацией всей Украины»³.

Весной 2016 г. ЕС провозгласил пять принципов построения взаимоотношений с Россией, главным из которых является принцип «избирательного взаимо-

¹ Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО, 27 мая 1997 г.

² <https://echo.msk.ru>

³ European External Action Service. – https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_ru.

действия», который предполагает, что ЕС будет сотрудничать с Москвой только по вопросам, которые представляют интерес для самого Евросоюза. Однако непонятно, как при этом будут учитываться вопросы, представляющие интерес для РФ.

Брюссель неоднократно подчеркивал, что поводом для, так сказать, «разблокировки» отношений будет являться прогресс в реализации Минских соглашений по урегулированию в Украине. И здесь очень много неясностей: ЕС считает Россию участницей конфликта, вместе с тем Москва никогда не признает себя таковой. Возникает вопрос – как могут соглашения, основной целью которых было прекращение огня и спасение украинской армии (кстати говоря, эту задачу они выполнили и в 2014 г. после Иловайска, и в 2015 г. после Дебальцево), являться основой для разрешения конфликта в целом, ибо требования политического характера, предъявляемые Киеву, будут означать поражение любого режима, находящегося в Киеве. Второй вопрос – о релевантности «нормандского формата», эффективность которого вызывает большие сомнения в связи с очередным обострением отношений между Россией и Западом.

При всем этом следует отметить, что рабочие контакты между Россией и ЕС продолжаются, а товарооборот между ними в 2017 г. вырос на 27%, однако они не могут способствовать замещению стратегии по созданию «общих пространств», которая была провозглашена в первой половине 2000-х и которая потерпела фиаско по той причине, что Россия и ЕС не имели общих целей по их формированию, а рассматривали друг друга в качестве конкурентов. Идея сотрудничества двух интеграционных образований – ЕС и ЕАЭС – пока, видимо, неосуществима по причине слабости ЕАЭС и вследствие позиции союзников России – Белоруссии и Казахстана.

Представляется рациональным вернуться к идее формирования Совета ЕС – Россия по вопросам безопасности, которая обсуждалась после Кавказского кризиса осенью 2008 г. Это обусловлено тем, что, как считает известный российский европеист Ю. Борко, главной сферой общих интересов на ближайшие годы будет именно сфера безопасности¹. И хотя в настоящий момент обе стороны заняты наращиванием собственных военных потенциалов (ЕС совместно с НАТО), основными и реальными угрозами их безопасности будут воинствующий исламский терроризм, последствия изменения климата, непредсказуемость, исходящая из центра западного мира – из Вашингтона (фактор Трампа), распространение ОМУ и средств его доставки, милитаризация космоса, киберугрозы и ряд других. По всем этим вопросам ЕС и Россия не имеют альтернативы взаимному сотрудничеству.

Пока же с обеих сторон отсутствует политическая воля к осознанию причин нынешнего кризиса,

их оценки и переосмысления. Не просматривается потенциал формирования архитектуры общеевропейской безопасности на основе баланса интересов Россия – ЕС.

В этой связи представляется важным обратить внимание на ряд инициатив европейских стран (прежде всего Франции) по созданию так называемой «европейской армии», PESCO, Европейского фонда обороны и т.д. С этими инициативами связаны иллюзии части российских политиков и экспертов по поводу того, что следствием явится ослабление и даже раскол НАТО.

Попытаемся разобраться в том, что же происходит на самом деле? Не следует забывать, что 22 государства ЕС являются одновременно членами НАТО. На Варшавском (2016) и Брюссельском саммитах (2018). НАТО были приняты совместные декларации двух евро-атлантических институтов, где подтверждается принцип стратегического партнерства. А до этого в глобальной стратегии ЕС для внешней политики и обороны признавалось, что «НАТО остается самой важной инстанцией для большинства государств-членов в сфере безопасности»². Соответственно ЕС будет углублять отношения с Североатлантическим альянсом, стремясь к «взаимодополняемости и синергии», но «сохраняя автономию – в принятии решений»³. В совместных декларациях ЕС – НАТО были определены семь направлений стратегического партнерства: 1) противодействие гибридным угрозам; 2) оперативное сотрудничество (в том числе на море и по вопросам миграции); 3) кибербезопасность и оборона; 4) оборонные потенциалы; 5) оборонная промышленность и оборонные исследования; 6) совместные учения; 7) поддержка формирования потенциала на юге и востоке. Определены 74 сферы сотрудничества в районах реализации совместных деклараций, 20 из которых сосредоточены на противодействии гибридным угрозам, включая создание Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам.

Принципами сотрудничества ЕС – НАТО являются открытость, прозрачность, инклюзивность, зеркальность, полное уважение независимости принятия решений. Определены механизмы реализации деклараций: совместные тренинги, учебные курсы, обмен предупреждениями об угрозах, кросс-брифинги, совместные инициативы по антикризисному управлению в сфере кибербезопасности.

Такие инициативы Евросоюза как PESCO, Европейский оборонный фонд (EDF), План развития потенциала ЕС, Ежегодный скоординированный обзор по вопросам обороны (CARD) и соответствующие программы в НАТО, а именно: процесс оборонного планирования, программа планирования и анализа, партнерство во имя мира координируются между собой. Штабы НАТО и ЕС работают над повышением военной мобильности.

¹ Борко Ю. Будущее отношений Россия – ЕС: проблемы и перспективы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Выпуск 38(54) 2015 г. – М.: ИНИОН, 2015.

² Conseil, 2016. P. 16.

³ Ibid.

Развивается диалог по вопросам военной промышленности. Особое внимание уделяется вопросу доступа предприятий малого и среднего бизнеса к цепочке поставок и инноваций в сфере обороны.

В октябре 2017 г. были проведены первые параллельные и скоординированные учения НАТО и ЕС, в ходе которых была проведена проверка механизмов практического сотрудничества при реагировании на кризис, в том числе в условиях гибридной войны. В ноябре 2018 г. прошли вторые совместные учения.

Укрепляется политический диалог между ЕС и НАТО. В практику вошли взаимные приглашения на соответствующие министерские заседания, кросс-брифинги.

Учитывая все вышеперечисленные моменты, в штаб-квартире НАТО не проявляют никакой обеспокоенности по поводу европейских инициатив, понимая, что все они носят комплементарный (т.е. взаимодополняющий) характер и не подрывают ведущую роль НАТО в сфере обороны и безопасности (так, например, PESCO увеличит мобильность НАТО и т.д.). А представители Еврокомиссии и Евросовета подчеркивают, что они дополняют инициативы НАТО и не представляют угрозу ни для РФ, ни для ВПК США.

Выборы в Европарламент в мае 2019 г. явились этапом на пути развития Евросоюза в целом. С одной стороны, они продемонстрировали определенное «дряхление» традиционных партий в ряде стран ЕС и повышение роли правых популистов, которые получили в общей сложности на 35 мест больше, чем на предыдущих выборах (связано это помимо всего прочего с европейским миграционным кризисом, который пережила Европа в период между выборами). С другой стороны, тот факт, что Европейская народная партия и Прогрессивный Альянс социалистов и демократов, потеряв определенное количество мест (что не позволяет им сохранить большинство в ЕП), все-таки лидируют, подтвердил настроения европейских избирателей в поддержку европейского интеграционного проекта.

Смогут ли относительно усилившиеся популистские партии повлиять на политику Евросоюза в отношении России, покажет время. Однако тем экспертам и политикам в России, которые связывают с этим усилением надежды на снятие антироссийских санкций и начало нового этапа в российско-евросоюзских отношениях, следует напомнить, что такие же надежды они связывали с приходом в Белый дом в Вашингтоне Д. Трампа. Действительность оказалась куда более жестокой и беспощадной.

Россия – ОБСЕ. Единственной организацией в сфере евро-атлантической безопасности, членом которой является Россия, остается ОБСЕ. До начала 2000-х годов Россия утверждала, что именно эта организация является краеугольным камнем европейской безопасности, и именно с ее помощью пыталась противодействовать расширению НАТО. Однако когда этого не получилось, поскольку все

страны бывшего советского блока и даже республики бывшего СССР – все члены ОБСЕ – выразили четкое желание интегрироваться в Североатлантический альянс, а также, учитывая тот факт, что деятельность ОБСЕ к этому моменту сосредоточилась на мониторинговых миссиях по отслеживанию демократических процессов на постсоветском пространстве, Россия перешла на позиции резкой критики ОБСЕ. В период так называемой «золотой эры» во взаимоотношениях России и НАТО (2002–2007 годы) у российских элит видимо складывалось впечатление, что многие проблемы безопасности могут быть решены на площадке Совета Россия – НАТО.

Однако в 2008 г. после Бухарестского саммита НАТО, в ходе которого США попытались (правда, безуспешно, поскольку этому воспрепятствовали европейские союзники) предоставить Украине и Грузии План действий по членству в НАТО, Россия через предложение по Договору о европейской безопасности (ДЕБ) вновь попыталась вернуть ОБСЕ былое значение. После пятидневной войны на Кавказе (август 2008 г.) различные варианты ДЕБ обсуждались с Францией и Германией, а затем стимулировали начало дискуссии в рамках ОБСЕ о будущем европейской безопасности, которая вылилась в так называемый «процесс Корфу». Были созданы 10 специализированных групп: по вопросам выполнения всеми государствами норм и принципов ОБСЕ; по роли организации в решении задач раннего предупреждения, предотвращения и урегулирования кризисов и конфликтов; постконфликтной реабилитации; контролю над вооружением и мерам укрепления доверия; невоенным угрозам безопасности; вызовам в области экономики и экологии; правам человека, демократии и верховенству закона; повышению эффективности ОБСЕ и др.¹

Россия и страны Запада не пришли к общему знаменателю в ходе обсуждаемых вопросов, поэтому на саммите в Астане в 2010 г. не удалось согласовать новую повестку дня.

На фоне серьезной деградации отношений России с рядом евро-атлантических институтов в условиях украинского и сирийского кризисов ОБСЕ остается единственной площадкой, где еще возможны какие-то договоренности. Во-первых, речь может идти о возобновлении процесса контроля над вооружениями и формировании на новом этапе мер доверия, без чего невозможно представить выход из существующего кризиса. Во-вторых, об организации миротворческой миссии на юго-востоке Украины, но, по-видимому, не только для охраны сотрудников ОБСЕ, а в более широком масштабе. Наконец, о создании площадки в рамках ОБСЕ, на которой изучались бы и обсуждались причины нынешнего кризиса с извлечением уроков из него, без чего невозможно продвижение вперед.

¹ Interim Report, Summarizing Proposals put forward within the Corfu Process, CIO. gaz/117/10, 2 July 2010.

При этом следует иметь в виду, как отмечает российский исследователь А. Загорский, что нынешний стратегический курс России сложился не под влиянием отдельных событий, но вследствие определенного числа явлений, проблем и кризисов, выстроенных в цепочку (вольно или невольно) встраивания России в существовавшую тогда систему безопасности на условиях Запада, что само по себе, учитывая фактор стратегической независимости РФ, не могло не вызвать противодействия¹.

В нынешних условиях, когда скорее всего (согласно концепции бывшего советника Б. Обамы, президента Совета по международным отношениям США Ричарда Хааса)² мир движется к бесполярному миропорядку, а международные отношения подвергаются серьезной трансформации, значение традиционных государств и межгосударственных объединений будет снижаться, утверждения о том, что удел России – это «стратегическое одиночество», что ей не нужны союзники и она самодостаточна и что ее судьба – это конфронтация с коллективным Западом (включая Европу) крайне опасны. Они неизбежно приведут страну к самомаргинализации, исключению ее из мировой экономической и политической системы.

«Россия есть держава европейская» – утверждала Екатерина II еще в конце XVIII столетия. И она, безусловно, была таковой до октября 1917 г. Затем, когда вследствие большевистского переворота Россия стала «выламываться» из своей «европейскости», она потерпела чудовищное поражение в мирном противостоянии с Европой и США. Представляется, что Россия не имеет права на повторение подобной исторической ошибки, а должна вместе с европейскими партнерами искать пути выхода из сложившегося тяжелейшего кризиса.

В качестве первых шагов можно было бы предложить следующие.

– Остановить начавшуюся гонку вооружений (в том числе в сфере кибербезопасности), наращивание военных потенциалов, проведение широкомасштабных военных учений; разрабатывать новые меры доверия.

– Разрабатывать совместные подходы по разблокировке конфликта на юго-востоке Украины, поскольку без решения этой острейшей проблемы невозможно решать никакие вопросы безопасности в Европе.

– Начать подготовку совместных проектов с Евросоюзом по восстановлению регионов, пострадавших от конфликтов.

Особую роль в развитии кризиса между Россией и Западом играют российско-американские и, как ни парадоксально, российско-китайские отношения.

Что касается отношений Россия – США, то возлагаемая излишние надежды на избрание Д. Трампа президентом Соединенных Штатов, положившись на его предвыборные обещания по признанию Крыма российским и по улучшению отношений с Кремлем, Москва сделала себя заложницей с одной стороны, непредсказуемости американского президента, а с другой – внутривнутриполитической борьбы в США между Трампом и так называемым «глубинным государством». Складывается впечатление, что даже в настоящий момент – после всех расследований о так называемом российском вмешательстве в американские выборы, после отъема российской собственности на территории США (зданий российского торгпредства в Вашингтоне и Генконсульства в Сан-Франциско), на что Россия ответила очень бледно, после многих внешнеполитических инициатив, которые кардинально расходятся с официальной позицией и линией РФ, в том числе после выхода США из договора ДРМД, после различных антироссийских санкций – в некоторых сегментах российского истеблишмента по-прежнему надеются на возможности неких договоренностей, которые якобы помогут России выйти из существующего кризиса отношений с Западом, делая ставку на Вашингтон и преувеличивая разногласия США и Европы.

Проблема состоит в том, что нынешняя американская администрация и прежде всего, по-видимому, американский президент считают, что США являются единственной супердержавой, способной диктовать свои условия всему остальному миру, а Россия не располагает ни экономическими возможностями, ни какими-либо союзническими отношениями с кем бы то ни было, которые могли бы создать условия для адекватного совета Вашингтону. Таким образом на российско-американском треке пока не просматривается возможностей выхода из все более деградирующих отношений, несмотря на вроде бы неплохие результаты встречи Путин – Трамп на полях G20 в Осаке.

Российско-китайские отношения при поверхностном взгляде представляют почти идиллическую картину так называемого стратегического союзничества. При глубоком анализе становится ясным, что несмотря на то, что на декларативном уровне обе страны уверяют друг друга и весь мир (кроме США) практически в «вечной дружбе» и преданности общему делу в борьбе с однополярным миром, Россия в Китае видит и демонстрирует альтернативность своим отношениям с Европой и Западом, а Китай разыгрывает российскую карту в своей главной игре с Вашингтоном. Да, действительно, в Совете Безопасности ООН Китай иногда поддерживает российские или блокирует антироссийские резолюции, однако Пекин не поддержал ни независимость Абхазии и Южной Осетии, ни российский статус Крыма. Пекин отклонил претензии России на превращение ШОС в военно-политический блок, способный противостоять в НАТО, и, более того, сделал его инструментом своего проникновения

¹ Загорский А.В. Россия в системе европейской безопасности. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 1–139.

² Richard N. Haass. «Foreign Affairs № 3, 2008. “The Age of Nonpolarity”».

в Центральную Азию – регион, который Россия всегда считала зоной своих особых интересов и куда противится проникновению Евросоюза.

Интересным в этой связи представляется российско-китайское военно-техническое сотрудничество. Для Китая ВТС с Россией является базой для проведения модернизации своих вооруженных сил, что меняет региональный баланс сил в АТР. Для РФ – это один из каналов экспорта высокотехнологической продукции, что, как бы, разбивает миф о том, что РФ становится сырьевым придатком Китая, продавая ему по невыгодным для себя ценам свои энергоресурсы.

Россия продает Китаю для ВВС боевые самолеты и вертолеты, палубные истребители для авианосцев СУ-33 и истребители нового поколения СУ-35, тяжелые военно-транспортные самолеты ИЛ-76 и самолеты-заправщики. Для ВМС: подводные лодки типа «кило», а также эскадренные миноносцы типа «современный» со сверхзвуковыми противокорабельными ракетами «москит», а также ряд других изделий, представляющих интерес для китайской армии.

С середины 2000-х годов в рамках ШОС проводятся учения «Мирная миссия», учения «Морское взаимодействие», штабные учения сил ПРО, учения силовых структур антитеррористической направленности. В этом ряду особняком стоят рос-

сийские стратегические учения «Восток» 2018 г., поскольку впервые в них принимали участие целые соединения и штабы Китая. Многие военные эксперты рассматривали эти беспрецедентные учения как ответ на учения США и НАТО в Финляндии и Швеции, в странах, которые не являются членами Североатлантического союза.

Китай выстраивает особые отношения с Евросоюзом, о чем свидетельствует ряд встреч с европейскими лидерами на самом высоком уровне. Да и сам проект ОПОП («один пояс – один путь») имеет одной из основных целей выход на европейские рынки. Несмотря на реальную торговую войну между США и Китаем, последний пытается избежать действий, которые в будущем могли бы привести к конфронтации с Западом. В последние десятилетия, несмотря на определенную поддержку позиции России по ряду острых международных вопросов в СБ ООН, Пекин неоднократно демонстрировал нежелание втягиваться в противостояние Москвы с коллективным Западом.

Расстановка фигур на современной шахматной доске такова, что Россия не может позволить себе оказаться в перманентной конфронтации с Западом, поскольку в этой игре у нее нет союзников, а заведомый проигрыш не соответствует ее интересам.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ОПОРА ИЛИ «ДАР ДАНАЙЦЕВ»? «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК-2» В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ И ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Андрей Белинский,

старший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Аннотация. В статье рассматриваются потенциальные риски и возможности газопровода «Северный поток-2» для системы европейской и трансатлантической безопасности. Автор отмечает эволюцию проекта из коммерческого предприятия в объект острых политических дискуссий. Анализируются основные позиции Брюсселя, Варшавы, Вашингтона в отношении «Северного потока-2», их противоречия с Берлином, который выступает основным бенефициаром проекта. Делается вывод о том, что реализация проекта приведет к усилению напряженности в отношениях ФРГ как с восточноевропейскими странами, так и с США.

Ключевые слова: «Северный поток-2»; СПГ; Газпром; ФРГ; Польша; Д. Трамп; санкции.

Keywords: Nord Stream-2; LNG; Gazprom; Federal Republic of Germany; Poland; D. Trump; sanctions.

Больше, чем бизнес

«Федеральный канцлер Ангела Меркель вновь указала на то, что “Северный поток-2” – исключительно коммерческий проект и не направлен против